

DOI: <https://doi.org/10.47344/zhvsm025>

MPHTI: 10.89.01

Обеспечение автономии воли сторон в международных коммерческих контрактах: анализ национальных и международных механизмов

Балнур Келденбаева

SDU University, Каскелен, Казахстан

email: balnurkeldenbayeva@gmail.com

Абстракт

В статье рассматривается принцип автономии воли сторон как один из ключевых институтов международного частного права и международного коммерческого оборота. Исследуются исторические этапы становления данного принципа, его юридическая природа, а также соотношение материально-правовых и коллизионно-правовых элементов. Особое внимание уделяется анализу автономии воли в контексте законодательства Республики Казахстан, в частности статьи 1091 Гражданского кодекса Республики Казахстан. В работе обосновывается смешанный характер автономии воли сторон, сочетающий свободу договора и коллизионную функцию выбора применимого права. Выявляются основные проблемы правоприменения, связанные с определением действительной воли сторон, пределами допустимого выбора права, действием императивных норм и публичного порядка, а также с развитием цифровых и трансграничных договорных отношений. По результатам исследования делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования национального законодательства и выработки единых критериев оценки допустимости выбора применимого права в международных коммерческих отношениях.

Ключевые слова : автономия воли сторон, международное частное право, свобода договора, коллизионные нормы, императивные нормы, международные коммерческие договоры

Введение

Принцип автономии воли сторон справедливо считается одним из краеугольных камней современного частного международного права и международного коммерческого оборота. Его сущность заключается в признании за сторонами договора права самостоятельно выбирать применимое право, условия сделки и арбитражную юрисдикцию, в которой будут разрешаться возможные споры. Именно эта свобода обеспечивает гибкость, предсказуемость и эффективность международного делового взаимодействия.

В условиях глобализации, стремительного развития цифровых технологий и трансформации международных экономических связей значение принципа автономии воли существенно возрастает. Он выступает не только гарантом правовой стабильности и справедливого распределения рисков, но и важнейшим инструментом укрепления доверия в трансграничных коммерческих отношениях. Для субъектов международного бизнеса возможность свободно определить применимое право означает выбор предсказуемого правового режима, а значит – снижение издержек, связанных с неопределённостью законодательства и судебной практики различных государств.

Однако, несмотря на универсальное признание автономии воли как фундаментального принципа международного частного права, практическая реализация этого принципа сталкивается с рядом ограничений и противоречий.

Во-первых, различия в национальных правовых системах приводят к отсутствию единообразного подхода к пределам свободы договора. В одних государствах допускается практически неограниченная автономия сторон, в других – она ограничена императивными нормами, положениями о публичном порядке, принципами добросовестности и запретом обхода закона. Это многообразие правовых подходов создаёт неопределённость и потенциальные конфликты юрисдикций при выборе применимого права.

Во-вторых, международные правовые акты и унификационные инструменты – такие как Гаагские конвенции, Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, а также модельные законы ЮНСИТРАЛ – сыграли ключевую роль в формировании современного понимания автономии воли. Тем не менее, даже они не устраняют полностью противоречия между интересами суверенных государств и свободой частных лиц. В отдельных правопорядках сохраняются ограничения, продиктованные национальной правовой политикой, что препятствует формированию единообразной международной практики.

Наряду с технологическими изменениями, сохраняются и традиционные юридические вызовы, связанные с соотношением автономии воли и императивных норм. К числу таких проблем относятся:

- возможность применения норм публичного порядка, независимо от выбора сторон;
- допустимость выбора права, не связанного с правоотношением;
- пределы действия обязательных норм государства, наиболее тесно связанного с договором;
- признание недействительности соглашения о выборе права в случае нарушения принципов добросовестности.

Эти аспекты приобретают особую *актуальность* в контексте национального законодательства Республики Казахстан, где институт автономии воли сторон закреплён в статье 1091 Гражданского кодекса. Данная норма предоставляет сторонам право самостоятельно определять применимое право, но при этом сохраняет действие императивных положений, обеспечивающих защиту основ правопорядка и публичных интересов. Таким образом, казахстанское законодательство следует общепринятой международной тенденции, признавая автономию воли смешанным институтом, объединяющим материально-правовые и коллизионно-правовые элементы.

Юридическая природа автономии воли сторон проявляется в её двойственном характере.

С одной стороны, она представляет собой материально-правовую категорию, основанную на принципе свободы договора и выражающую право сторон самостоятельно определять содержание своих обязательств. С другой стороны, она обладает коллизионным измерением, поскольку выбор применимого права фактически выступает в качестве особой коллизионной привязки, определяющей, нормы какого государства будут регулировать соответствующее правоотношение.

Именно сочетание этих элементов делает автономию воли уникальным механизмом

согласования интересов государства и частных лиц, а также важнейшим инструментом правовой гармонизации на международном уровне.

Таким образом, автономия воли сторон выполняет не только договорно-регулятивную, но и системообразующую функцию: она служит мостом между частным и публичным началом в международном праве. Этот институт обеспечивает баланс между частной инициативой участников международного оборота и императивными началами государственного регулирования, что особенно важно в эпоху цифровизации и транснационализации правовых отношений.

Несмотря на нормативное закрепление автономии воли сторон в международных и национальных правопорядках, в современной правоприменительной практике отсутствует единообразный подход к определению действительной воли сторон при выборе применимого права.

В одних случаях суды и арбитражи исходят из формального толкования соглашения о выборе права, признавая приоритет прямо выраженного волеизъявления сторон. В других - анализируют экономическую цель договора, наличие объективной связи с выбранным правопорядком и возможный обход императивных норм.

Различие в подходах приводит к неодинаковым правовым последствиям при сходных обстоятельствах, что снижает уровень правовой определенности в трансграничных коммерческих отношениях.

Таким образом, *ключевой проблемой исследования* является отсутствие единых критериев оценки действительной воли сторон при реализации принципа автономии воли.

Исходя из этого, *цель настоящего исследования* заключается в комплексном анализе становления и развития принципа автономии воли сторон в международном частном праве, выявлении его юридической природы и роли в современной договорной практике. Задачи исследования включают:

- изучение исторических этапов формирования автономии воли и её доктринальных основ;
- анализ соотношения материальных и коллизионных аспектов автономии;
- рассмотрение особенностей её реализации в праве Республики Казахстан и в международных актах;
- выявление современных тенденций и проблем, возникающих при применении принципа автономии воли в цифровой и трансграничной среде.

Исследовательский вопрос: Каковы критерии определения действительной воли сторон при выборе применимого права и каким образом отсутствие единообразного подхода влияет на предсказуемость международных коммерческих отношений?

Научная новизна исследования заключается в авторском обосновании смешанного характера автономии воли сторон – как категории, объединяющей материально-правовые и коллизионно-правовые элементы. В работе предлагается новая интерпретация статьи 1091 ГК РК как нормы, выражающей двойственную природу автономии воли: с одной стороны, закрепляющей свободу сторон, а с другой – обеспечивающей действие императивных положений публичного порядка.

Научный вклад статьи состоит в уточнении критериев допустимости автономии воли при выборе применимого права и в выявлении тенденций её трансформации в условиях цифровизации международных сделок.

Обзор литературы. Принцип автономии воли сторон широко исследован в международном частном праве. Его теоретические основы заложены Ш. Дюмуленом и Ф. К. фон Савиньи, которые обосновали право сторон самостоятельно выбирать применимое право. В дальнейшем идея получила развитие в трудах Л. А. Лунца, М. М. Богуславского, Г. К. Матвеева, подчёркивавших необходимость баланса между свободой сторон и действием императивных норм.

Современные авторы (А. В. Асосков, Е. Н. Суханов) рассматривают автономию воли как смешанный институт, сочетающий материально-правовой и коллизионно-правовой аспекты. В зарубежной доктрине (А. Манчини, Р. Дэвид) она признаётся инструментом правовой гармонизации, но при этом отмечается риск злоупотреблений чрезмерной свободой выбора.

Международные акты – Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, Гаагские конвенции – закрепляют автономию воли как базовый принцип, однако единообразия регулирования до сих пор не достигнуто.

Таким образом, остаются *научные пробелы*, связанные с определением пределов автономии воли, её соотношением с публичным порядком и применением в цифровой среде.

Исследование основано на использовании сравнительно-правового, формально-юридического и системного *методов* анализа. Применение сравнительного подхода позволило выявить особенности регулирования принципа автономии воли в различных национальных правовых системах и международных актах. Формально-юридический метод использовался для анализа норм Гражданского кодекса Республики Казахстан и международных конвенций, а системный – для определения взаимосвязи материально-правовых и коллизионно-правовых аспектов автономии воли.

Результаты исследования показали, что принцип автономии воли сторон обладает двойственной правовой природой, объединяя материально-правовые и коллизионно-правовые аспекты. Он выполняет функцию согласования интересов частных лиц и государства, обеспечивая баланс между договорной свободой и действием императивных норм. Установлено, что автономия воли является ключевым механизмом правовой гармонизации и предсказуемости международных коммерческих отношений, а также требует адаптации к современным условиям цифровизации и трансграничного взаимодействия.

Обсуждение обобщает полученные результаты и подчёркивает их значение для развития международного частного права. В исследовании показано, что принцип автономии воли сторон обеспечивает гибкость и предсказуемость международных договорных отношений, способствуя укреплению правовой определённости. Особое внимание уделено необходимости переосмысления данного принципа в условиях цифровизации, когда традиционные подходы требуют адаптации к новым формам трансграничных сделок. На основе анализа предложены направления для дальнейшего совершенствования правового регулирования автономии воли сторон и её практического применения в международных коммерческих отношениях.

Развитие автономии воли в международном частном праве

Изначально в римском праве юрисдикция по гражданским спорам определялась преимущественно на основе территориальных и персональных критериев, включая место

проживания ответчика, его гражданство, а также место заключения или исполнения договора. В спорах, касающихся права собственности, производство могло осуществляться *in rem*, то есть по месту нахождения соответствующей вещи. Такой подход исключал возможность осознанного выбора применимого права самими сторонами и отражал приоритет государственной власти в регулировании частноправовых отношений.

В общем праве аналогичные принципы сохранялись длительное время: споры подлежали рассмотрению в судах по месту совершения действия либо нахождения ответчика, что было связано с особенностями процессуальной системы и формированием суда из лиц, связанных с соответствующей территорией. Рассмотрение дел с иностранным элементом вызывало значительные затруднения, в связи с чем в судебной практике постепенно сформировались правовые фикции, позволявшие рассматривать такие дела в английских судах.

Со временем значение строгой территориальной привязки стало ослабевать. Законодательные реформы и развитие судебной практики привели к снижению роли местных процессуальных требований и способствовали разграничению между делами, требующими территориальной связи, и так называемыми переходными или личными действиями. Так, требования, связанные с правом собственности на недвижимость, по-прежнему рассматривались как местные дела, ограниченные местом нахождения имущества, тогда как споры, вытекающие из договорных обязательств, могли рассматриваться судами по месту нахождения ответчика. В результате внимание постепенно сместилось с места совершения событий на личную связь сторон с юрисдикцией суда.

На этом фоне идея автономии воли сторон начала приобретать всё большее значение. Уже в конце XVIII века в судебной практике общего права стали проявляться элементы признания соглашений сторон о выборе юрисдикции, особенно в сфере морского права. При этом такие соглашения ещё не рассматривались как полностью исключающие государственную юрисдикцию, однако суды допускали приостановление национального производства, если это отвечало интересам разумного и эффективного правосудия.

Значительное влияние на развитие теоретических основ автономии воли оказали взгляды Ф. К. фон Савиньи. Он связывал применимое право и юрисдикцию с так называемым «правовым местом» обязательства, определяемым объективными обстоятельствами заключения и исполнения договора. Хотя Савиньи не признавал автономию воли в её современном понимании, его концепция способствовала отходу от исключительно территориального подхода и заложила основу для учёта интересов частных лиц в международных обязательствах (Ф. К. фон Савиньи, 1848).

В конце XIX века интересы частных сторон получили более широкое признание в области юрисдикции. Суды начали отказывать в рассмотрении дел в случаях, когда стороны заранее согласовали иностранный суд или арбитражный трибунал. Даже при наличии действительных соглашений об арбитраже национальные суды допускали приостановление производства, что свидетельствовало о постепенном смещении акцента с исключительной государственной юрисдикции на волеизъявление участников правоотношения.

В XX веке идея автономии сторон получила дальнейшее развитие и широкое распространение, особенно в правопорядках общего права, а затем и в континентальной системе. Она нашла нормативное закрепление в ряде международных соглашений, предоставляющих сторонам возможность выбора форума и применимого права. Для континентальной правовой традиции этот процесс завершился позднее — с принятием

международных актов и регламентов, регулирующих выбор права в договорных и внедоговорных обязательствах.

Следует отметить, что, в отличие от выбора форума, элементы выбора применимого права существовали в международном частном праве значительно раньше. Уже в раннем Средневековье применение права нередко определялось на основе личного статуса лица, его этнической или племенной принадлежности. Хотя такие формы регулирования не являлись автономией воли в современном смысле, они свидетельствовали о постепенном отходе от исключительно территориального принципа. В этот период получили развитие ранние формы выбора права, включая *professio iuris*, представлявшую собой одностороннее волеизъявление лица.

Официального признания автономия сторон в средневековой статутной системе международного частного права не получила, однако косвенно учитывалась через применение права места заключения или исполнения договора. Новое осмысление автономии воли в выборе применимого права было предложено во Франции в XVI веке Шарлем Дюмуленом, который считается основателем современной доктрины автономии сторон (Гетьман-Павлова, 2009, стр. 3). Его подход исходил из приоритета намерений сторон над формальными территориальными связями и отражал потребности развивающейся международной торговли.

Влияние идей Дюмулена не было бесспорным. Ряд учёных, включая Д'Аржантре, настаивали на приоритете территориального права и публичных интересов государства (Mills, 2018, стр. 48). Попытка примирения этих подходов была предпринята голландскими мыслителями XVII века, в частности Хубером, который обосновывал применение иностранного права как проявление международного уважения, но при сохранении суверенитета государства над собственной территорией (Mills, 2018, стр. 77).

Несмотря на развитие доктрины, автономия воли сторон долгое время сохраняла неопределённый статус. Лишь в конце XIX – начале XX века судебная практика начала применять ограниченное понимание автономии, предоставляя сторонам возможность выбора между правом места заключения и правом места исполнения договора. Окончательное и широкое признание автономии воли в выборе применимого права произошло после Второй мировой войны, когда данный принцип был закреплён в международных конвенциях и унификационных актах и стал универсальным элементом современного международного частного права.

Сравнительный анализ автономии воли сторон и свободы договора

В научной литературе и правоприменительной практике нередко наблюдается смешение понятий свободы договора и автономии воли сторон, что затрудняет корректное понимание их юридической природы и функционального назначения. Несмотря на тесную взаимосвязь, данные категории относятся к различным уровням правового регулирования и выполняют неодинаковые задачи, особенно в контексте международного частного права.

Свобода договора представляет собой фундаментальный принцип материального гражданского права. Она выражается в праве субъектов самостоятельно вступать в договорные отношения, выбирать контрагента, определять содержание договора, а также изменять или прекращать обязательства по своему усмотрению в пределах, установленных законом. Данный принцип направлен на регулирование внутреннего содержания договорного

обязательства и действует в рамках конкретного национального правопорядка. Его пределы определяются императивными нормами материального права, требованиями добросовестности, разумности и справедливости, а также необходимостью защиты публичных интересов и слабой стороны договора.

Иная правовая природа характерна для автономии воли сторон в международном частном праве. В отличие от свободы договора, автономия воли не регулирует содержание договорных условий, а выполняет коллизионную функцию. Её основное назначение заключается в предоставлении сторонам возможности самостоятельно определить право, подлежащее применению к трансграничному частноправовому отношению. В этом смысле автономия воли выступает в качестве особой коллизионной привязки (*lex voluntatis*), которая позволяет отступить от объективных критериев определения применимого права, таких как место заключения договора или место исполнения обязательства.

Нормативное закрепление такого коллизионного понимания автономии воли находит отражение в современных унификационных актах международного частного права.

Так, статья 2(1) Гаагских принципов о выборе права в международных коммерческих договорах 2015 года (Hague Conference on Private International Law [HCCH], 2015) устанавливает:

“A contract is governed by the law chosen by the parties.”

Аналогичный подход Данная формулировка подтверждает признание воли сторон самостоятельной коллизионной привязкой (*lex voluntatis*), не требующей обязательного наличия объективной связи между выбранным правопорядком и договором.

Аналогичный подход закреплен в статье 3(1) Регламента (ЕС) № 593/2008 (European Parliament & Council, 2008):

“A contract shall be governed by the law chosen by the parties.”

В то же время статья 9 Регламента предусматривает применение *overriding mandatory provisions* независимо от выбора сторон, что демонстрирует ограниченный характер автономии воли и её сочетание с императивными началами правового регулирования.

Таким образом, свобода договора отвечает на вопрос «какие условия могут быть согласованы сторонами», тогда как автономия воли в международном частном праве решает вопрос «какое право будет регулировать согласованные условия». Эти институты функционируют на разных уровнях правового регулирования: первый – в сфере материального права, второй – в сфере коллизионного права. Их отождествление приводит к методологической ошибке, поскольку расширительное толкование автономии воли может создать иллюзию полной свободы сторон в обход императивных норм применимого правопорядка.

Различие между указанными категориями имеет существенное значение для правоприменения. Нарушение принципа свободы договора, как правило, влечёт гражданско-правовые последствия в виде недействительности отдельных условий или договора в целом. Ограничение же автономии воли проявляется иначе – через применение императивных норм, норм публичного порядка либо права государства, с которым договор имеет наиболее тесную связь, независимо от выбора сторон. Это означает, что даже при действительном соглашении о выборе применимого права автономия воли не может исключить действие обязательных норм соответствующего правопорядка.

Международные договоры и унификационные акты подтверждают данное разграничение, закрепляя автономию воли именно в её коллизионном значении. Они признают

за сторонами право выбора применимого права, однако одновременно сохраняют действие норм публичного порядка и обязательных положений, направленных на защиту фундаментальных правовых ценностей. Тем самым автономия воли не подменяет свободу договора, а дополняет её, функционируя как самостоятельный механизм в системе международного частного права.

Дополнительное разграничение свободы договора и автономии воли сторон имеет значение и с точки зрения систематики источников права. Свобода договора традиционно реализуется в рамках материально-правового регулирования и непосредственно связана с действием норм гражданского законодательства, определяющих допустимые модели поведения участников гражданского оборота. Автономия воли в международном частном праве, напротив, реализуется опосредованно – через механизм коллизионных норм, которые лишь указывают на применимый правопорядок, но не регулируют содержание обязательства напрямую.

Кроме того, различие между данными категориями проявляется в характере судебного усмотрения. При оценке соблюдения свободы договора суд анализирует соответствие условий договора императивным нормам материального права и общим принципам гражданского законодательства. При реализации автономии воли суд, прежде всего, решает вопрос допустимости выбора применимого права и определяет, подлежат ли применению нормы публичного порядка или обязательные нормы национального законодательства независимо от такого выбора.

Следовательно, автономия воли сторон и свобода договора представляют собой взаимосвязанные, но функционально различные правовые категории. Свобода договора обеспечивает формирование содержания обязательства, тогда как автономия воли определяет правовой режим, в рамках которого это обязательство будет оцениваться и исполняться. Чёткое разграничение этих понятий имеет принципиальное значение для обеспечения правовой определённости, предотвращения злоупотреблений при выборе применимого права и поддержания баланса между частной инициативой и публичными интересами в международных договорных отношениях.

Юридическая природа автономии воли и ретроспектива ее применения

Автономия воли сторон как правовая категория впервые сформировалась в середине XVI века в трудах французского юриста Шарля Дюмулена (Charles Dumoulin), изложенных в его работе «*Conclusiones de statutis et consuetudinibus localis*» (Гетьман-Павлова, 2009, стр.5). Именно с этого момента идея автономии воли сторон получила самостоятельное доктринальное значение и со временем превратилась в один из фундаментальных принципов частного международного права.

Несмотря на прошедшие столетия, дискуссии об автономии воли не теряют своей актуальности. Современная доктрина выделяет несколько подходов к определению юридической природы автономии воли, каждый из которых имеет собственные теоретические и практические основания. Условно их можно объединить в три основные группы.

Международно-правовая природа автономии воли

Первая точка зрения связывает происхождение автономии воли с международным публичным правом. Наиболее подробно эта позиция представлена в трудах итальянского юриста и государственного деятеля Паскуале Станислао Манчини (1817–1886), который рассматривал автономию воли как производную от универсальных принципов международного права – таких как свобода, суверенитет и принцип гражданства.

По мнению П. Манчини, государства обязаны признавать за физическими и юридическими лицами свободу выбора правопорядка, регулирующего их договорные отношения. Он утверждал, что свобода есть «право сторон самостоятельно определять, какое право должно регулировать их контракт» (Каримов, 2013, стр.5). В этой связи Манчини исходил из возможности применения лицом собственного национального права, а не норм иностранного законодательства.

Подобного подхода придерживался и российский исследователь А. Рубанов, который связывал автономию воли с международными обычаями и отмечал, что институт автономии воли получил широкое признание на национальном уровне. Он подчеркивал, что автономия воли основана на принципах международной правовой практики государств, что подтверждает её международно-правовую природу (Каримов, 2013, стр.4).

Тем не менее, данная точка зрения утратила актуальность с развитием национальных законодательств. Международные обычаи не обладают нормативной силой в пределах внутреннего правопорядка, а потому не могут служить основанием для регулирования частноправовых отношений. С середины XX века автономия воли получила легализацию в международных договорах (в том числе с участием СССР – с 1937 года) и в национальном законодательстве (с 1961 года).

Кроме того, в современном международном частном праве общепризнано, что обычаи, регулирующие отношения между государствами как субъектами публичного права, не могут применяться для урегулирования частных правоотношений между физическими и юридическими лицами. Следовательно, международно-правовая природа автономии воли в настоящее время носит, скорее, историко-теоретический характер.

Автономия воли как категория национального права

Второй подход рассматривает автономию воли как институт национального права. Одним из ведущих представителей данной концепции является М. М. Богуславский, утверждавший, что материальная природа гражданского права обеспечивает реализацию автономии воли сторон (Богуславский, 2004).

Согласно этой теории, условие договора о выборе применимого права приравнивается к иным условиям, касающимся существенных аспектов сделки – таких как предмет, цена, количество или качество. Следовательно, принцип свободы договора, закрепленный в гражданском законодательстве, предполагает, что стороны обладают правом самостоятельно определять условия соглашения, включая и выбор применимого права.

При этом положения, согласованные сторонами, имеют приоритет только над диспозитивными нормами, но не могут исключать действие императивных норм законодательства. Это означает, что автономия воли не является безусловной и не может ограничивать применение обязательных норм той правовой системы, с которой договор имеет наиболее тесную и объективную связь.

Интересную модификацию этого подхода предложил Л. А. Лунц, который рассматривал автономию воли как форму коллизионного регулирования. Он отмечал, что

согласие сторон на выбор права устраняет необходимость обращения к объективным коллизионным привязкам, поскольку воля сторон сама по себе выступает коллизионным критерием (Лунц, 2002).

Однако данная точка зрения вызывает определённые сомнения. Применение императивных норм права, не являющихся частью выбранного правопорядка, ставит под вопрос чисто коллизионное понимание автономии воли. Примером служит статья 1091 Гражданского кодекса Республики Казахстан, распространяющая свои положения на все случаи определения применимого права. Это свидетельствует о смешанном характере регулирования и подтверждает, что автономия воли не может рассматриваться исключительно как элемент коллизионного права.

Все указанные обстоятельства показывают, что коллизионная трактовка автономии воли остаётся предметом научных споров и требует дополнительного теоретического осмысления.

Автономия воли как самостоятельный правовой институт

Третья группа теорий выделяет автономию воли как самостоятельный юридический институт, отличающийся как от норм материального, так и от норм коллизионного права. Представитель этого подхода — А. Л. Маковский — утверждал, что автономия воли призвана не разрешать, а предупреждать споры, тем самым обеспечивая предсказуемость и стабильность гражданско-правовых отношений (Иванов, 1984).

Автономия воли в данном контексте рассматривается как особый механизм правового регулирования, направленный на согласование интересов сторон до возникновения конфликта. Однако некоторые исследователи указывают, что даже при наличии соглашения о выборе права результатом может стать неопределенность, особенно в случае кумулятивных соглашений, когда стороны предусматривают применение нескольких правопорядков. В таких ситуациях всё же возникает необходимость обращения к объективным коллизионным критериям.

Таким образом, тезис о «предотвращении» конфликтов выглядит спорным, поскольку решение вопроса о применимом праве чаще всего возникает уже после возникновения разногласий, и именно тогда требуется обращение к материальным нормам соответствующего законодательства.

Рассмотренные концепции обобщают основные доктринальные подходы, характерные для советской и постсоветской правовой науки. В отличие от западноевропейских теорий, в отечественной доктрине автономия воли получила менее широкое распространение и чаще рассматривалась через призму соотношения материальных и коллизионных норм.

Во второй половине XX века определённую популярность приобрели теории, признающие за автономией воли законодательный характер, либо трактующие её как юридический факт, который учитывается при определении применимого права наряду с другими обстоятельствами, указывающими на место локализации договора. Однако такие подходы обладают существенными недостатками, поскольку выбор правопорядка осуществляется сторонами не произвольно, а в рамках нормы, допускающей подобное регулирование.

В этой связи представляется обоснованным вывод о том, что автономия воли в современном частном международном праве носит смешанную правовую природу, объединяя элементы как материального, так и коллизионного регулирования.

Материальный аспект выражается в необходимости взаимного согласия сторон при выборе применимого права и в обязательности действия императивных норм государства, с которым договор наиболее тесно связан.

Коллизионный аспект проявляется в возможности сторон определять применимое право наряду с объективными коллизионными привязками, а также в ограничении автономии воли только в исключительных случаях, когда этого требуют принципы публичного порядка и защита правопорядка соответствующего государства.

Таким образом, автономия воли выступает как комплексный правовой институт, обеспечивающий баланс между свободой усмотрения сторон и гарантией правовой определенности, что делает её одной из центральных категорий современного частного международного права.

Реализация принципа автономии воли в праве Республики Казахстан: статья 1091 ГК РК и проблемы правоприменения

В праве Республики Казахстан принцип автономии воли сторон получил нормативное закрепление в статье 1091 Гражданского кодекса, регулирующей выбор применимого права к договорным обязательствам с иностранным элементом. Анализ конструкции данной нормы позволяет утверждать, что казахстанский законодатель последовательно воспринял концепцию автономии воли как института смешанной правовой природы, сочетающего материально-правовые и коллизионно-правовые элементы. Такая модель регулирования отражает стремление обеспечить баланс между свободой усмотрения сторон и необходимостью сохранения устойчивости национального правопорядка.

Коллизионный аспект автономии воли проявляется в признании за сторонами права самостоятельно определить право, подлежащее применению к их договору. В этом случае воля сторон выступает в качестве самостоятельной коллизионной привязки, способной заменить объективные критерии локализации обязательства, такие как место заключения или исполнения договора. Тем самым казахстанский подход сближается с универсальными тенденциями международного частного права и соответствует положениям международных унификационных актов, признающих автономию воли важнейшим инструментом правовой предсказуемости в трансграничных отношениях.

В то же время материально-правовой элемент автономии воли выражается в установлении пределов допустимого выбора применимого права. Статья 1091 ГК РК прямо или косвенно сохраняет действие императивных норм и допускает их применение независимо от избранного сторонами правопорядка. Это означает, что автономия воли не носит абсолютного характера и реализуется в рамках, определяемых публичными интересами, принципами правопорядка и необходимостью защиты слабой стороны договора. Именно сочетание диспозитивности и императивности придаёт автономии воли в казахстанском праве смешанную юридическую природу и отличает её от чисто коллизионных конструкций.

Практика применения статьи 1091 ГК РК выявляет ряд проблем и коллизий, возникающих при реализации данного принципа. Одной из наиболее распространённых является ситуация, когда стороны выбирают иностранное право, не имеющее реальной и объективной связи с договорным отношением. Это порождает вопросы о допустимости такого выбора, а также о пределах применения обязательных норм казахстанского законодательства.

В подобных случаях суды и иные правоприменительные органы сталкиваются с необходимостью определения соотношения избранного правопорядка с императивными требованиями национального права.

Аналогичная неопределенность прослеживается и в международной арбитражной практике, где отсутствует единый подход к оценке действительной воли сторон при выборе применимого права.

В международной арбитражной практике сформировались различные модели толкования соглашений о выборе права.

В ряде дел арбитражные трибуналы исходили из формального приоритета прямо выраженного условия о выборе права. В практике Международной торговой палаты (ИСС) арбитражные составы признавали действительным выбор права даже при отсутствии объективной связи договора с избранной юрисдикцией, руководствуясь принципом автономии воли как базовым принципом международной торговли.

Вместе с тем в иных делах, включая отдельные инвестиционные споры, рассматривавшиеся в рамках ICSID, трибуналы выходили за пределы буквального толкования условия и анализировали экономическую цель сделки, поведение сторон, а также возможный обход императивных норм. В подобных случаях выбор права мог быть признан недопустимым при наличии признаков злоупотребления или уклонения от обязательных требований правопорядка, наиболее тесно связанного с договором.

Указанное различие подходов подтверждает отсутствие универсальных критериев оценки действительной воли сторон и усиливает необходимость нормативного уточнения пределов автономии воли в национальном законодательстве.

Другой проблемный аспект связан с попытками сторон посредством выбора иностранного права обойти нормы, направленные на защиту публичных интересов, включая валютное регулирование, антимонопольные ограничения, налоговые требования или нормы в сфере защиты потребителей. В таких ситуациях автономия воли вступает в прямой конфликт с охранительной функцией императивных норм, что требует от правоприменителя не формального, а содержательного подхода, направленного на выявление действительной цели выбора применимого права.

Особую актуальность в казахстанской практике приобретает вопрос применения автономии воли в цифровых и трансграничных договорах, заключаемых с использованием электронных платформ и автоматизированных систем. В условиях дистанционного заключения договора возникают сложности с установлением действительного волеизъявления сторон, момента заключения соглашения о выборе права и соотношения цифрового согласия с требованиями национального законодательства. Эти обстоятельства актуализируют необходимость адаптации положений статьи 1091 ГК РК к реалиям цифровой экономики и новым формам договорных отношений.

Таким образом, статья 1091 ГК РК выступает не только формальным закреплением принципа автономии воли, но и ключевым инструментом балансирования между частной инициативой участников международного оборота и публичными интересами государства. Практика её применения демонстрирует, что автономия воли в казахстанском праве носит ограниченный, функциональный и контекстуальный характер, требующий учёта императивных норм, целей правового регулирования и особенностей конкретного правоотношения, что в полной мере подтверждает её смешанную правовую природу.

Заключение

Историческая эволюция института автономии воли сторон в международных коммерческих отношениях свидетельствует о постепенном, но закономерном переходе от полного подчинения частноправовых связей государственной власти – к признанию свободы участников экономического оборота самостоятельно определять применимое право и условия своего взаимодействия.

В ранних этапах развития права, особенно в римском и феодальном периодах, юрисдикция и выбор права рассматривались исключительно как проявление государственного суверенитета. Любые отношения, выходящие за пределы национальной юрисдикции, регулировались через призму власти государства, а частное усмотрение сторон исключалось. Однако с ростом международной торговли, усложнением договорных связей и активным развитием международных ярмарок и арбитражей начала формироваться новая правовая потребность – потребность в гибкости и единообразии.

Именно торговая практика XVI–XVII веков создала предпосылки для появления принципа автономии воли как основы трансграничного частного права. Уже в трудах Ш. Дюмулена (XVI в.) начала прослеживаться идея того, что стороны могут самостоятельно выбирать право, применимое к их договору, а в XIX веке Ф. К. фон Савиньи придал этой идее теоретическую завершенность, обосновав связь договора с «правовым местом» (*Sitz des Rechtsverhältnisses*).

Таким образом, от «жесткого территориального правопорядка» право постепенно перешло к концепции «персонализированного выбора», где основное значение имеет волеизъявление сторон. В XIX–XX веках данный подход получил широкое распространение в судебной практике и в международных соглашениях – например, в Гаагских конвенциях о праве, применимом к договорным обязательствам, и в ряде региональных актов.

Закрепление автономии воли в международных договорах и национальных правопорядках (в частности, в кодификациях СССР с 1937 г. и в гражданском законодательстве с 1961 г.) свидетельствовало о признании её универсального значения. Сегодня автономия воли сторон рассматривается как фундаментальный принцип международного частного права, обеспечивающий баланс между частной инициативой и публичными интересами государства.

Значение автономии воли проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, она обеспечивает предсказуемость и правовую определённость при заключении и исполнении международных контрактов. Во-вторых, автономия воли снижает уровень правовых рисков в трансграничных сделках, позволяя сторонам заранее определить правопорядок, подлежащий применению. В-третьих, она придаёт гибкость договорным отношениям, предоставляя сторонам возможность адаптировать содержание договора к индивидуальным особенностям их взаимодействия, языку бизнеса и международным стандартам.

Однако автономия воли сторон не является безусловной и абсолютной. Её реализация ограничивается как императивными нормами публичного порядка, так и необходимостью защиты слабой стороны – например, потребителя, работника или франчайзи. Эти ограничения носят охранительный характер, направленный на предотвращение злоупотребления принципом свободы договора и обеспечение равновесия интересов участников. Таким

образом, современное право выстраивает тонкий баланс между свободой усмотрения сторон и контролем государства за соблюдением фундаментальных правовых принципов.

Изучение юридической природы автономии воли показывает, что данный институт имеет смешанный характер, сочетающий материально-правовые и коллизионно-правовые элементы.

Материальная природа автономии воли проявляется в том, что стороны, достигнув соглашения, самостоятельно формируют правовую основу своих отношений, определяя применимое право как часть договорной свободы. Этот аспект закреплён в национальных законодательствах многих стран, в том числе и в Гражданском кодексе Республики Казахстан, который предусматривает необходимость взаимного согласия сторон в выборе права, а также уважение к императивным нормам той страны, с которой договор имеет наиболее тесную связь.

Коллизионная природа автономии воли выражается в том, что данный институт рассматривается как самостоятельная коллизионная привязка — наряду с иными объективными критериями, такими как место заключения договора, место исполнения обязательства или местонахождение характерного исполнителя. Автономия воли в этом смысле является инструментом, который позволяет сторонам устранить неопределённость и избежать применения чуждого им правопорядка, если это не противоречит публичным интересам государства.

Современное законодательство Казахстана, в частности статья 1091 Гражданского кодекса, закрепляет возможность выбора применимого права, при этом устанавливая пределы действия такого выбора в целях защиты императивных норм и поддержания правового баланса. Это подтверждает, что национальная правовая система восприняла универсальные подходы, сложившиеся в международной практике.

Автономия воли сторон в международных коммерческих контрактах выполняет важнейшую системообразующую функцию: она соединяет в себе свободу частноправового усмотрения и государственные гарантии правопорядка. С одной стороны, этот принцип способствует развитию международной торговли и привлечению инвестиций, обеспечивая сторонам предсказуемость и нейтральность правового режима. С другой — он укрепляет доверие к правовой системе государства, демонстрируя её готовность признавать и уважать волю сторон, действующих добросовестно и в рамках закона.

Следовательно, автономия воли сторон представляет собой не только один из краеугольных принципов частного международного права, но и важнейший элемент правовой политики в сфере международного сотрудничества. Её реализация обеспечивает стабильность гражданского оборота, способствует интеграции национальных правовых систем в глобальную правовую среду и повышает уровень юридической безопасности участников внешнеэкономической деятельности.

В дальнейшем развитие института автономии воли будет зависеть от совершенствования механизмов ограничения её чрезмерного применения, формирования единообразных критериев допустимости выбора права и укрепления роли международных договоров в гармонизации коллизионных норм.

Таким образом, можно заключить, что автономия воли сторон — это комплексный юридический феномен, сочетающий свободу договора, предсказуемость правового регулирования и уважение к публичным интересам. Её дальнейшее исследование и практическое применение имеют ключевое значение для укрепления правового порядка,

развития международного частного права и обеспечения эффективного функционирования глобального рынка.

С учетом выявленного отсутствия единообразных критериев установления действительной воли сторон при выборе применимого права предлагается дополнить статью 1091 ГК РК нормой, предусматривающей ориентиры для судебной оценки действительности такого выбора. К ним целесообразно отнести: (1) наличие прямо выраженного соглашения сторон; (2) наличие либо отсутствие объективной связи выбранного правового порядка с договором/сторонами; (3) отсутствие цели обхода императивных норм; (4) соответствие выбора принципам добросовестности и разумности. Это позволит повысить правовую определенность и предсказуемость международных коммерческих отношений.

Список литературы

- Boguslavskii, M. M. (2004). *Международное частное право: Учебник*. Москва: Юрист, с. 265–267.
- Getman-Pavlova, I. V. (б.г.). *Шарль Дюмулен – основоположник теории автономии воли в международном частном праве*.
- Ivanov, G. G., & Makovskii, A. L. (1984). *Международное частное морское право*. Ленинград: Судостроение.
- Kanashevsky, V. A. (2009). *Международное частное право: Учебник*. Москва.
- Karimov, S. (2013). *Автономия воли: теории о правовой природе*. *Журнал международного права и международных отношений*, (4).
- Lunts, L. A. (2002). *Курс международного частного права* (в 3 т., Т. 3). Москва: Спарк.
- Mills, A. (б.г.). *Party Autonomy in Private International Law*.
- Savigny, F. C. Von . (1848). *Трактат о владении : или Jus Possessionis гражданского права* (6-е изд., пер. с нем. Сэрмом Эрскином Перри).
- United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). (1980, 11 апреля). Вена. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/ccisg/ccisg.htm> Дата обращения: 8.01.2025
- Гаагская конвенция 1978 года о праве, применимом к агентским соглашениям. (1978). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=72> Дата обращения: 18.11.2025
- Гаагская конвенция 1986 года о праве, подлежащем применению к договорам международной купли-продажи товаров. (1986). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=41> Дата обращения: 2.12.2025
- Гражданский кодекс Республики Казахстан. (1994, 27 декабря). Утвержден Постановлением Верховного Совета Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000> Дата обращения: 15.07.2025
- Кодекс Бустаманте (Конвенция о международном частном праве 1928 года). (1928). URL: https://www.oas.org/juridico/english/bus_convention_eng.htm Дата обращения: 2.12.2025
- Конвенция СНГ 1993 года о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. (1993). URL: http://www.cisstat.com/en/database/document_new.php?id=433720 Дата обращения: 2.10.2025

- Межамериканская конвенция 1994 года о праве, подлежащем применению к международным договорам. (1994). URL: https://www.oas.org/en/sla/dil/General%20Information/Inter_American_Convention_on_the_Law_Applicable_to_International_Contracts_1994.asp Дата обращения: 8.01.2025
- Принципы УНИДРУА международных коммерческих договоров 2016 года. (2016). Рим: Международный институт унификации частного права (UNIDROIT). URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf> Дата обращения: 3.08.2025
- Савиньи, Ф. К. фон. (1848) . *Трактат о владении: или Jus Possessionis гражданского права*. 6-е изд., пер. с немецкого Сэром Эрскином Перри.
- Соглашение СНГ 1992 года о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности. (1992). URL: http://www.cis.minsk.by/documents1/agreement.64_2951.doc Дата обращения: 12.09.2025
- Сухроб, К . (2013). *Автономия воли: теории о правовой природе. Журнал международного права и международных отношений*, (4).

References

- Boguslavskii, M. M. (2004). *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik*. Moskva: Yurist, s. 265–267.
- Gaagskaya konventsiya 1978 goda o prave, primenimom k agentskim soglasheniyam. (1978). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=72> (Data obrasheniya: November 18, 2025)
- Gaagskaya konventsiya 1986 goda o prave, podlezhashchem primeneniyu k dogovoram mezhdunarodnoi kupli-prodazhi tovarov. (1986). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=41> (Data obrashheniya: 2.12.2025)
- Getman-Pavlova, I. V. (b.g.). *Sharl Dyumulen – osnovopolozhnik teorii avtonomii voli v mezhdunarodnom chastnom prave*.
- Grazhdanskii kodeks Respubliki Kazakhstan. (1994, 27 dekabrya). Utverzhden Postanovleniem Verkhovnogo Soveta Respubliki Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000> (Data obrashheniya: 15.07.2025)
- Ivanov, G. G., & Makovskii, A. L. (1984). *Mezhdunarodnoe chastnoe morskoe pravo*. Leningrad: Sudostroenie.
- Kanashevsky, V. A. (2009). *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik*. Moskva.
- Karimov, S. (2013). *Avtonomiya voli: teorii o pravovoi prirode. Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, (4).
- Kodeks Bustamante (Konventsiya o mezhdunarodnom chastnom prave 1928 goda). (1928). URL: https://www.oas.org/juridico/english/bus_convention_eng.htm (Data obrashheniya: 2.12.2025)
- Konventsiya SNG 1993 goda o pravovoi pomoshchi i pravovykh otnosheniyakh po grazhdanskim, semeinym i ugolovnym delam. (1993). URL: http://www.cisstat.com/en/database/document_new.php?id=433720 (Data obrashheniya: 2.12.2025)

5.10.2025)

- Lunts, L. A. (2002). Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava (v 3 t., T. 3). Moskva: Spark.
- Mezhamerikanskaya konventsiya 1994 goda o prave, podlehashchem primeneniyu k mezhdunarodnym dogovoram. (1994). URL: https://www.oas.org/en/sla/dil/General%20Information/Inter_American_Convention_on_the_Law_Applicable_to_International_Contracts_1994.asp (Data obrashhenija: 8.01.2026)
- Mills, A. (b.g.). Party Autonomy in Private International Law.
- Printsipy UNIDROIT mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov 2016 goda. (2016). Rim: Mezhdunarodnyi institut unifikatsii chastnogo prava (UNIDROIT). URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf> (Data obrashhenija: 3.08.2025)
- Savigny, F. C. von. (1848). Traktat o vladenii, ili Jus Possessionis grazhdanskogo prava (6-e izd., per. s nem. Serom Erskinom Perri).
- Savinyi, F. K. fon. (1848). Traktat o vladenii: ili Jus Possessionis grazhdanskogo prava. 6-e izd., per. s nemetskogo Serom Erskinom Perri.
- Soglashenie SNG 1992 goda o poryadke razresheniya sporov, svyazannykh s osushchestvleniem khozyaistvennoi deyatel'nosti. (1992). URL: http://www.cis.minsk.by/documents1/agreement.64_2951.doc (Data obrashhenija: 2.09.2025)
- Sukhrob, K. (2013). Avtonomiya voli: teorii o pravovoi prirode. Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii, (4).
- United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). (1980, 11 April). Vienna. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/ccisg/ccisg.htm> (Data obrashhenija: 8.01.2026)

FTAMP:10.89.01

Халықаралық коммерциялық шарттарда тараптар еркінің автономиясын қамтамасыз ету: ұлттық және халықаралық тетіктерді талдау

Балнур Келденбаева
SDU University, Қаскелең, Қазақстан
email: balnurkeldenbayeva@gmail.com

Аңдатпа

Мақалада тараптар еркінің автономиясы халықаралық жеке құқық пен халықаралық коммерциялық айналымның негізгі институттарының бірі ретінде қарастырылады. Аталған қағидаттың қалыптасуының тарихи кезеңдері, оның құқықтық табиғаты, сондай-ақ материалдық-құқықтық және коллизиялық-құқықтық элементтердің арақатынасы зерттеледі. Қазақстан Республикасының заңнамасы, атап айтқанда Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің 1091-бабы аясында тараптар еркі автономиясының жүзеге асырылуына ерекше назар аударылады. Жұмыста тараптар еркі автономиясының шарт еркіндігі мен қолданылатын құқықты таңдаудың коллизиялық функциясын ұштастыратын аралас құқықтық сипаты негізделеді. Қолданылатын құқықты таңдаудың шектері, императивтік нормалар мен жария тәртіптің әсері, сондай-ақ цифрлық және трансшекаралық шарттық қатынастар жағдайындағы құқық қолдану мәселелері айқындалады. Зерттеу нәтижесінде

халықаралық коммерциялық қатынастарда қолданылатын құқықты таңдаудың рұқсат етілуін бағалаудың бірыңғай өлшемдерін қалыптастыру және ұлттық заңнаманы одан әрі жетілдіру қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Кілт сөздер: тараптар еркінің автономиясы, халықаралық жеке құқық, шарт еркіндігі, коллизиялық нормалар, императивтік нормалар, халықаралық коммерциялық шарттар

IRRSST:10.89.01

Ensuring Party Autonomy in International Commercial Contracts: Analysis of National and International Mechanisms

Balnur Keldenbayeva

SDU University, Kaskelen, Kazakhstan

email: balnurkeldenbayeva@gmail.com

Abstract

This article examines the principle of party autonomy as one of the key institutions of private international law and international commercial transactions. It explores the historical stages of the formation of this principle, its legal nature, and the relationship between its substantive-law and conflict-of-laws elements. Particular attention is paid to the implementation of party autonomy under the legislation of the Republic of Kazakhstan, especially Article 1091 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan. The paper substantiates the mixed legal nature of party autonomy, combining freedom of contract with the conflict-of-laws function of choosing the applicable law. It identifies the main law-enforcement issues related to determining the true intention of the parties, the limits of permissible choice of law, the operation of mandatory rules and public policy, as well as the development of digital and cross-border contractual relations. The study concludes that there is a need for further improvement of national legislation and for the development of uniform criteria for assessing the admissibility of the choice of applicable law in international commercial relations.

Key words: party autonomy, private international law, freedom of contract, conflict-of-laws rules, mandatory rules, international commercial contracts

Дата поступления: 3 ноябрь, 2025